

- Дридзо А.Д.* «Братство по кораблю» как вариант псевдородства // Алгебра родства. СПб., 1995. Вып. 1.
- Маслов А.А.* Системы родства манде: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Ольдерогге Д.А.* Западный Судан в XV–XIX вв. М.; Л., 1960.
- Пирицио-Биролли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990.
- Попов В.А.* Аканский потестарно-культурный регион в политической системе Республики Гана // Африка: культура и общество. Традиции и современность. М., 1994.
- Попов В.А.* Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности // Ранние формы политической организации. М., 1995.
- Попов В.А.* Сетевые структуры как фактор политогенетических процессов в доколониальной и постколониальной Тропической Африке // Иерархия и власть в истории цивилизаций. М., 2006.
- Alternative Pathways to Early State.* Vladivostok, 1995.
- Popov V.A.* Secondary forms of political organization in the ethnosocial history of Sub-Saharan Africa. М., 1988.
- The Early State, its Alternatives and Analogues.* М., 2004.

А.М. Решетов, А.А. Бурькин

**Н.Я. БИЧУРИН О КИТАЙСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ
КОНТАКТАХ И РУССКО-КИТАЙСКОМ «ПИДЖИНЕ»**

Имя Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853), в монашеском служении отца Иакинфа (с 1802 г.), не нуждается в представлении востоковедам и этнографам. Трудно переоценить и по достоинству оценить все то, что сделал этот выдающийся ученый для изучения языка и культуры Китая в России, а также для изучения народов Центральной Азии и Дальнего Востока по данным китайских исторических источников. Н.Я. Бичурин как географ и этнограф, наблюдавший за жизнью и бытом жителей Сибири и китайцев, — это особая тема, для которой есть поистине бесценные материалы. Прежде всего это сочинение Н.Я. Бичурина «Отрывки из путешествия по Сибири», а также письма, точнее особый жанр посланий в печатные издания, дающие ученому возможность делиться своими наблюдениями. В настоящей работе нам хотелось бы, уподобившись в чем-то о. Иакинфу, поделиться с читателями его наблюдениями над языковой ситуацией на русско-китайском пограничье в 1830-е годы, которую ему выпала возможность обозреть, а нам в начале XXI в. — изучать по его трудам как по первоисточникам.

Исследование так называемого русско-китайского пиджина, служащего средством общения между русскими и китайцами, имеет уже довольно длительную традицию. Этим материалом занимался известный синолог А.Г. Шпринцин, а в последние годы на русско-китайский, или кяхтинский, пиджин обратили внимание сразу двое ученых — А.Ю. Мусорин и Е.В. Перехвальская.

А.Ю. Мусорин открывает свою статью словами: «Единственным дошедшим до нас описанием кяхтинского пиджина, сформировавшегося в зоне русско-китайской приграничной торговли и просуществовавшего до начала XX в., является небольшая статья С.И. Черепанова, опубликованная в ИОРЯС в 1853 г.» [Мусорин 2001: 79]. На самом деле, не умаляя заслуг С.И. Черепанова, мы должны заметить, что бытование этого пиджина было отмечено Н.Я. Бичуриным более чем двадцатью годами ранее, и нам тут придется восстановить справедливость в приоритетах. Е.В. Перехвальская в своих работах, в частности в книге [Перехвальская 2008], уделяет много внимания данной форме языка, рассматривая его как контактную языковую формацию устного общения китайцев и русских.

Вот что пишет Н.Я. Бичурин в письме, отправленном из Кяхты и полученном в Петербурге 6 сентября 1830 г.: «Целую неделю я потерял на любопытство, наблюдая китайцев. <...> Они изъясняются с нами на испорченном русском наречии (курсив наш. — А.Р., А.Б.), в котором я, по новости, понимаю не более десятого слова. Удивительно для меня было, что русские и китайцы, препроводя здесь по несколько десятков лет для торговли, не могут изъясняться правильно, ни русские на китайском, ни китайцы на русском языке. Я хотел узнать истинную причину сему, и вот что сказали мне: затруднение состоит в грамматической противоположности сих языков между собою. Речения русские подвержены большому изменению, а китайские, напротив, никакого не имеют. Для россиянина непонятно, каким образом в слове *люблю* без изменения можно подразумевать многочисленные изменения сего глагола по залогам, наклонениям, временам, лицам и числам. Китаец, напротив, удивляется, для чего русские не говорят: *ты люблю, она люблю, надобно люблю*, как они действительно говорят на своем языке. Впрочем, китайцы, живущие в Кяхте для торговли, за необходимое поставляют обучаться русскому языку: потому-то они все, хотя и худо, но изъясняются на русском языке. Наши торгующие, напротив, не имеют охоты ни сами обучаться китайскому, ни правильно обучать китайцев русскому языку» [Бичурин 1991].

Здесь сосредоточено множество тонких наблюдений. Ученый в одном абзаце отметил и взаимное нежелание изучать языки в целях устного общения, и фундаментальные различия в грамматике, осложняющие усвоение русского языка китайцами и потенциально, по мнению ученого, долженствующие упростить изучение китайского языка для русских. Но мы хотели бы обратить внимание не только на это. Н.Я. Бичурин заметил, что кяхтинские китайцы «за необходимое поставляют обучаться русскому языку» и они «хотя и худо, но изъясняются на русском языке». Здесь можно отметить противопоставление «испорченного русского наречия» и какого-то объема русского языка, которым пользовались китайцы в общении с русскими купцами и чиновниками.

В том, что между этими двумя формами языка существует разница, можно убедиться, прочитав другое письмо о. Иакинфа, отправленное из Кяхты и полученное в Москве 19 сентября 1831 г. Ученый сообщает об успехах обучающейся молодежи в китайском языке: «Сего сентября 13 числа мы были свидетелями испытания в китайском языке. <...> Ученики, занимавшиеся оным не более полугода, отвечали очень удовлетворительно. Потом прочитали на ки-

тайском языке несколько разговоров, содержанием коих были предметы, обыкновенные между торгующими в Кяхте. <...> Для многих странным покажется, что наши купцы, имея пребывание в Кяхте, с самого открытия пограничного торгога, в 1728 г., доселе не обращали внимания на китайский язык. Но сие удивление скоро рассеется, когда представим себе, что сей язык, в правилах своих будучи совершенно противоположен нашему, недоступен к изучению без хорошего учителя, а правительство не могло их снабдить оным, потому что само имело недостаток в переводчиках, образовавшихся в Пекине. Зато изворотливые китайцы не долго думали о трудностях нашего языка. Они сделали у себя постановление, чтобы каждый мальчик, предназначенный для торговых дел в Кяхте, по прибытии сюда непременно обучался русскому языку. *На сей конец в каждой лавке находится небольшой китайский словарь с русским переводом, написанным китайскими буквами* (курсив наш. — А.Р., А.Б.). Но как китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям и, сверх того, нет в нем созвучных слов для тонического переложения наших слогов, имеющих по две и по три согласных букв, то из перевода приятелей образовалось особое русское наречие, в котором наши слова, обезображенные произношением, употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без малейшего изменения по окончаниям.

Хотите ли видеть образчик торговых сношений на сем ново-русском языке? Вот он:

1. Э-дин лю-ди бо-ли-ше-лэ. 2. Ти-би, бу-ли-я-ти-л я не ш-на-лэ (ше). 3. Ти-би ду-ва-л гао-ху-да хо-ди. 4. Ву-чи-ла бо-ли-ше-лэ. 5. Ти гэ-кай ду-ва-л е-сы. 6. Яся-кэ ду-в-л е-сы. 7. Ти ге-кай ду-ва-л на-ду. 8. Э-ди-ка ду-ва-л я ня-на-ду. 9. Ху-лао-ши ду-ва-л э-дай. 10. Цай-на гао-ву-ли. 11. Ли-ши-ка ня-бу-ло-си. 12. Э-дин ду-ва сы-лао-ву. 13. Да-ляо-ка гао-ву-ли. 14. Бу-ляо-ма цай-на гао-ву-ли. 15. Ти ма-ла ма-ла бу-ли-бей-вэй.

Поняли ли вы что-нибудь? Вот вам буквальный перевод:

1. Один человек пришел. 2. Тебя, приятель, я не знаю. 3. У тебя товары когда придут? 4. Вчера пришли. 5. Ты (у тебя) какой товар есть? 6. Я (у меня) всякой товар есть. 7. Ты (тебе) какой товар надобно? 8. Этого товара я (мне) не надобно. 9. Хорошего товара подай. 10. Цену говори. 11. Лишка не проси. 12. Одно, два слова. 13. Далеко говоришь. 14. Прямую цену говори. 15. Ты мало-мало прибавь.

Хотя все почти кяхтинские жители говорят с китайцами на сем странном наречии, но вообще объясняются с затруднением, даже о предметах обыкновенных, отчего нередко происходят недоумения и споры при совершении торговых сделок» [Там же].

Данный источник имеет уникальную ценность для нашей темы, так как он и только он позволяет понять механизм усвоения русских слов и фраз грамотными по-китайски китайцами и, по сути дела, переводит вопрос о сложении русско-китайского пиджина и его статусе в совершенно иную плоскость, неожиданную для современных лингвистов-контактологов и креолистов. Из сообщения Н.Я. Бичурина становится ясным, что китайцы знакомились с русским языком не по устной речи русских, живущих в той же Кяхте, а по записи

русских слов китайскими иероглифами, т.е. по их иероглифической транскрипции. И коль скоро рукописный китайско-русский разговорник находился в каждой китайской лавке в Кяхте, обиходные русские фразы усваивались китайцами, желающими изъясняться в торговых делах по-русски, не с голоса их русских контрагентов, а по озвучиванию иероглифической записи русских слов.

Появление этого «ново-русского языка» (а для Н.Я. Бичурина это был *русский язык*, русское наречие, пусть и «испорченное» в устах китайцев, а не какая-то особая форма языка) обусловлено не взаимодействием русского и китайского языков в устной форме, как обычно складываются торговые языки, пиджины и, в конечном счете, креольские языки. Данная форма языка была иницирована специфической техникой записи иноязычных слов, издавна практиковавшейся китайцами, и техникой транскрибирования иноязычных слов с использованием китайских иероглифов. Иными словами, появление данной формы кяхтинского русского языка китайцев связано с использованием не устной, а письменной формы русского языка в иероглифическом оформлении. Понятно, что иероглифы, которые использовались для транскрибирования русских слов в вышеприведенных предложениях, читались китайцами точно так же, как они читаются в китайских словах. Это обстоятельство — посредничество письменной формы с использованием иероглифики при изучении русского языка китайцами — сыграло решающую роль в поддержании и своеобразной консервации рецептированной формы устного русского языка у кяхтинских китайцев, той, которую позже стали принимать за пиджин.

Пользователь любого языка — родного или выученного — всегда знает не только то, на *каком* языке он говорит в данный момент, но и на *чьем* языке он говорит, даже если речь его на данном языке несовершенна. Для китайцев то, что в XIX в. наши ученые назвали русско-китайским пиджином, было *русским языком*, пусть и с ограниченным словарным запасом, грамматическими аберрациями и измененной слоговой структурой. Собеседники китайцев — русские купцы, жители Кяхты и иные наблюдатели, в число которых попал и о. Иакинф — также видели в этой странной для них языковой формации свой родной русский язык, пусть и в рецептированной, освоенной китайцами форме.

Очевидно, что в понятия «жаргон» и «пиджин» в разное время вкладывалось разное содержание. И не всегда социолингвистические работы конца XIX — первой половины XX в. и даже труды второй трети XX в. оказываются терминологически адекватными нашим трактовкам языков межэтнического и межэтнического внутрикорпоративного общения. Для того чтобы признать ту или иную языковую формацию пиджином, т.е. самостоятельной языковой формой, отличающейся от контактирующих языков — языка А и языка Б, необходимо наличие такого сообщества пользователей, которые знали бы три формы языка: язык А., язык Б и предполагаемый пиджин — язык В. Такому условию, по существу, не удовлетворяет ни один постулируемый пиджин на русской основе: этому не соответствует даже хорошо известная таймырская «говорка», которую сам описавший ее Е.А. Хелимский не признал пиджином,

оговорив ряд важных отличий ее от самостоятельных языковых формаций, в том числе то условие трехязычия, на которое мы обратили внимание [Бурыкин 2006: 32–33]. Соблюдение vs несоблюдение данного условия позволяет четко разграничивать в ситуации языковых контактов новый язык-посредник и рецептированную форму одного из языков, как бы далеко она ни уходила в материальном выражении и социальных функциях от своей исходной основы, ибо, повторяем, пользователь языка знает, на чьем языке он говорит, а его адресат может опознать свой родной язык в чьей угодно речи.

Н.Я. Бичурин же не только смог описать языковую ситуацию при общении китайцев и русских в Кяхте 1830-х годов и не только указал на причины своеобразия русского языка в речи китайских купцов, но и точно определил, кому принадлежал этот странный китайско-русский язык — это был все же русский язык.

Библиография

- Бичурин Н.Я.* Письма, опубликованные в «Литературной газете». Письма, опубликованные в «Московском телеграфе» // Н.Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары, 1991.
- Бурыкин А.А.* Проблемы социолингвистической характеристики и лингвистического описания русской речи коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока России // II Международный симпозиум по полевой лингвистике. М., 2006.
- Мусорин А.Ю.* Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 2004.
- Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб., 2008.

А.Ю. Сиим, Н.А. Добронравин

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛУЗОТРОПИКАЛИЗМА

Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Креольские общности: этнокультурные, этносоциальные и этнолингвистические аспекты генезиса и исторической динамики»).

Понятие «креольская общность» в большинстве случаев подразумевает общность, возникшую в результате смешения на протяжении ряда поколений представителей нескольких рас. Ее культура — соединение / синкретизация разнородных культурных традиций. Креольская общность возникает при систематическом смешении этнического большинства с одним / несколькими меньшинствами, оседлого населения и кочевого, автохтонного населения